

У Лукоморья...

Яреци Фернандез

Это был весенний солнечный день, ничто не предвещало плохого настроения. После завтрака, когда было свободное время, девушка, взяв книгу и карандаш с небольшой тетрадкой из своей тумбочки, направилась к огромному дубу. Она никогда раньше еще не была там, даже не особо знала, где именно он находится, однако, как оказалось, найти его не составило труда. Он был такой большой и корявый, с раскидистыми ветками и толстым стволом, что не заметить его может разве что слепой. Яреци ни в коем разе не была слепой, да и невнимательной её назвать было проблематично, поэтому она сразу его заметила.

В это время в этом месте никого не было, а это означало, что с наименьшей долей вероятности ее кто-то-нибудь отвлечёт или она кому-то помешает. Она не хотела никому мешать.

Осмотревшись по сторонам, убедившись, что никого нет, она подняла голову и стала осматривать этот дуб. Он не был похож на дуб из первой части пушкинской поэмы "Руслан и Людмила", но не был похож и на что-то плохое и страшное. Он не был простым дубом-дубом, в нем нет никакой истории, которая характерна для деревьев, растущих естественным путем.

Закончив детальное, насколько это возможно, изучение этого огромного дуба, созданного в считанные минуты-часы-дни магами монастыря, она села на прохладную землю, согнула ноги в коленях и стала думать, что нарисовать. Почему-то на ум пришли герои этой части поэмы, и она стала рисовать, положив под тетрадку томик Пушкина, чтобы было удобнее рисовать.

Тору Мотидзуки

Тору нравился дикий парк. Нравилась его простая естественная красота, радующая взор. Нравилась запахи и звуки, создающие ощущение иного волшебного мира. Нравилась царящая там «задумчивость», настраивающая на философско-лирический лад... Все это находило возможность коснуться каких-то чувствительных струнок, запятанных в глубины души и обнажить мечты и надежды, обычно робко прячущиеся за правилами и требованиями, предъявляемыми японцем к самому себе.

Сегодня Мотидзуки снова почувствовал, что его тянет прогуляться по окраинам дикого парка. И, не желая отказывать себе в этом простом удовольствии, мужчина отправился в небольшую одиночную прогулку, решив прихватить с собой, на всякий случай, тессен, который ему давно не доводилось брать в руки, предварительно аккуратно убрав его в специальный мешочек, подвешиваемый к поясу.

Весенний день радовал солнечной погодой, призывая Тору прикрыть глаза и проделать большую часть пути, сознательно отказываясь от зрения в пользу всевозможных ощущений, время от времени приподнимая веки лишь для того, чтобы определить свое местонахождение и избежать столкновения с одним из

крупных представителей местной флоры. В какой-то момент, погрузившись практически в медитативное состояние, японец не рассчитал и чуть ли не влетел в огромный дуб, который давно вызывал у него восхищение своими размерами и мощью. Избегая столкновения, Мотидзуки резко дернулся сторону и своим неожиданным появлением из-за дерева, вероятно, удивил сидящую рядом с дубом на земле и что-то старательно рисующую молоденькую девушку, которую он раньше уже видел на своих занятиях.

- Прошу прощение, если помешал вам. – Собственная невнимательность, приведшая к вторжению в чужое личное пространство, вызвала у Тору легкое недовольство, заставившее губы предательски дрогнуть в момент принесения извинений. – Обычно я не выскакиваю на людей из-за деревьев, но, похоже, сегодня выдался особый случай.

Яреци Фернандез

Кот ученый никак не хотел принимать вид чего-то похожего на кота. Сначала это было существо, похожее на гигантскую амебу, потом это существо приобрело форму, похожую почему-то на собаку, и наконец девушка не выдержала и, устав рисовать это странное существо, химеру ученую, она перевернула тетрадный лист и, задумалась, грызя карандаш и глядя на проплывающие по небу облака. Эта плохая привычка у нее была с детства, и избавиться она от нее пока не могла. Как только не отучали ее, все было бесполезно.

Придумав, что она будет рисовать, она стала воплощать свою идею в жизнь. Линии и штрихи ложились друг на друга, составляясь в портрет одного человека, который ей очень нравился, но с которым она не имеет возможности познакомиться. Он ей казался красивым, но, возможно, это всего лишь была оболочка. Так однажды уже было, она влюбилась в своего одноклассника, а он ее предал, просто порвал на ее глазах ее подарок. Она потом долго переживала, но после этого сумела оставлять свои мысли, чувства и эмоции при себе.

Вот и сейчас, рисуя портрет, ну как портрет - до портрета этому художеству было далеко, хотя общие черты угадывались, она была полностью уверена, что никому не помешает, ну или никто не помешает ей. Но ее желаниям не суждено было сбыться - из-за дерева на нее буквально налетел здешний мастер, на тренировках которого она несколько раз присутствовала, и портрет которого она сейчас рисовала.

Увидев, что это действительно он, она густо покраснела и опустила голову. Быстро перевернула лист обратно, чтобы он не увидел рисунок, и сглотнула. Резко вскочила на ноги и зажмурилась от резкого перепада давления. Слегка закружилась голова.

- Нет, я... не стоит извиняться... - пробормотала она, изучая свою обувь. - Я уже собиралась уходить...

Она увидела на поясе этого человека какой-то мешочек, в нем явно было что-то интересное. Наверное, там было спрятано какое-то оружие или травы. Хотя для трав он своеобразный, наверное в нем какое-то оружие должно храниться.

- А вы что тут делаете, мистер Мотидзуки? - Спросил ее язык, и она посмотрела на

него. Это прозвучало немного грубо, не сам тон, а постановка вопроса, ей казалось, что это неправильно, ведь ее в школах учили, что нужно уважать старших и она старалась не приставать к ним с вопросами. Оставалось надеяться, что она не ляпнула ничего лишнего. Она застенчиво улыбнулась и отошла от него на шаг.

Тору Мотидзуки

Как Тору не пытался сгладить эффект своего неожиданного появления, девушка, чьего имени он до сих пор не знал, отреагировала на незапланированную встречу настолько бурно, словно перед ней появился не обычный мужчина, а настоящий ёкай, пришедший полакомиться ее печенью.

- Что-то не похоже, чтобы вы собирались уходить до моего появления, - японец как всегда был прямолинеен, не пытаясь делать вид, что он не понял причин желания юной ученицы исчезнуть в неизвестном направлении. – Не волнуйтесь. Я не такой уж и страшный. По крайней мере, еще ни разу никого не съел.

Вопрос девушки о том, каким образом он оказался в парке немного удивил Мотидзуки, но, уже привыкнув к тому, что образ мысли европейца так или иначе отличается от его собственного, мужчина ответил честно:

- Да просто решил прогуляться. Немного отвлекся и случайно не заметил вашего присутствия. – Помимо молодой ученицы Тору не увидел еще и дуб, поскольку с закрытыми глазами это было сделать немного проблематично, но о подобном конфузе японец решил умолчать, боясь испортить свою преподавательскую репутацию и прослыть местным чудаком. Хотя учитывая собравшийся под крышей монастыря контингент, ему предстояло еще немало потрудиться, чтобы войти в число самых эксцентричных из обитающих здесь личностей.

- И, похоже, я все же помешал вам рисовать, - в голове мастера японских воинских искусств возникло сосредоточенное выражение лица, с которым девушка что-то вырисовывала на листе бумаги.

– Кстати, я помню, что вы присутствовали на моих занятиях, но, к сожалению, до сих пор так и не знаю вашего имени. Вы поможете мне исправить мою оплошность? – Тору замолчал, внимательно изучая лицо жертвы своей невнимательности, отмечая про себя наличие на ее щеках подозрительного румяна – постоянного спутника смущения и неловкости.

Яреци Фернандез

Года два назад Яреци наблюдала за своими одноклассниками, которые воздыхали перед новеньким учителем английского. Она смотрела на них, слушала их разговоры, которые крутились вокруг двух фраз "он прекрасен" и "он божественен". У Яри тогда был одноклассник, и на других она смотреть не хотела. И не понимала девочек, которые перед учителем и так, и сяк, даже кто-то в обморок специально упал при этом учителе. Мексиканка не понимала такого и иногда смотрела на них скептически.

И вот сейчас она оказалась рядом с человеком, о котором она думала некоторое время. Ну, не думала, конечно, просто иногда вспоминала мастер-классы, которые он вел, да и больше ничего. И вот ей сейчас показалось, что она влюбилась в него. Это же неправильно. Хорошо хоть, что в обморок она падать пока не планирует.

От раздумий ее отвлек его голос. Она почувствовала, как в животе порхают бабочки, но мотнула головой, решив выкинуть всю эту дурь из головы. Его голос был резковатым, и она сглотнула.

- Простите, - тихо промямлила она, опустив голову. Ей показалось, что он может рассердиться. Но этого не произошло, и она вздохнула с легким облегчением. - Меня зовут Яреци Фернандес, я ученица сифу Грей... ну, она мой наставник... - она на некоторое время замолчала. Посмотрела на свой рисунок и кивнула. - Да, Вы правы, я рисовала, но у меня не получилось. Кот не рисовался, - она вздохнула и снова посмотрела на мешочек, закрепленный на поясе мужчины.
- Мистер Мотидзуки, а что у Вас в мешочке? - Ляпнула она и снова густо покраснела.

Тору Мотидзуки

- Яреци Фернандес, - медленно повторил Тору, словно пытаюсь «распробовать» имя. — Я запомню. — За время общения с людьми самых разных национальностей японец научился правильно произносить и сохранять в памяти имена и фамилии с непривычным для него произношением, так что данное девушке обещание являлось не проявлением вежливости, а констатацией факта.

А еще заметно расширившийся за последние годы круг общения научил мужчину, что молодые европейки любопытны и упрямы, и если им что-то от тебя надо, стоит по возможности им это сразу дать, сэкономив, тем самым, время и нервы. А потому на вопрос Яреци, Мотидзуки с легким раздражением, которое, впрочем, никак не проявлялось на его лице, вытащил из мешочка боевой веер и продемонстрировал его девушке.

- Это настоящий тессен. Хотя как настоящий, скорее его современный вариант. Классические тессены выглядели немного иначе и, в японской традиции, бывали двух типов: которые можно открывать, как этот и цельные, имеющие форму закрытого веера. Кстати, вторые являлись более популярными из-за своей высокой прочности. Хотя, лично мне импонируют первые. Раньше их ребра еще могли покрываться бумагой, на которой изображалось что-то вроде родового знака и....

Тору почувствовал, что опять увлекся, превращая ответ на обычный вопрос в целую лекцию и резко себя прервал, так и не закончив последнюю мысль.

- Простите, что я веду себя как преподаватель. Я умею нормально разговаривать с людьми, но, к сожалению, университетская привычка, когда речь заходит об оружии, боевых искусствах или истории Японии берет свое.

Яреци Фернандес

Ей показалось, что он не рассердился на её любопытный вопрос. Наоборот, он достал из мешочка тессен и стал рассказывать про него. Яреци стояла напротив него и внимательно слушала, отмечая про себя, к своему большому огорчению и даже некоторому страху, что бабочки в животе поднимаются всё выше, уже порхают где-то в районе горла. Она слышала рассказы девчонок, что такое у них было, и сейчас представила, что бы они делали, если бы были сейчас здесь, и если бы им нравился этот человек. Наверное говорили бы всякую ересь вроде "научите меня с ним обращаться" или "дайте потрогать", или ещё что подобное. Но Яреци не была

таковой, она вообще боялась разговаривать с предметом своего вздыхания. Даже с одноклассником она общалась как-то неправильно. Может поэтому он её бросил? Или может она действительно занудна?

К тому же Яреци с удовлетворением отметила, что мистер Мотидзуки правильно произнёс её имя. На этом её удовлетворения закончились, когда он вдруг прекратил рассказывать про это оружие и извинился. Это прозвучало слишком неожиданно, ей показалось, что даже грубо, и она слегка вздрогнула. Наверное, она помешала ему своим любопытством и вопросами? Но что делать, если ей всегда кажется, что она делает что-то не так? Уйти в монастырь? Так она же вроде ушла в него, наверное стоило пойти в другой. Хранить обет молчания, никогда больше ни с кем не разговаривать. Чтобы не смущать людей и не смущаться самой. И не тратить нервные клетки.

Но с этим человеком было так интересно разговаривать. К своему удивлению она отметила, что в голове зреет множество вопросов, вот только их озвучивать как-то было боязно. Хотя почему нет? Что делать, раз уж завязался разговор? Вот только хотелось бы куда-нибудь присесть, а то в ногах, как говорится, правды нет. Она увидела недалеко бревно.

- Мне интересно послушать то, что в книгах нельзя прочитать, - задумчиво произнесла девушка, - хотя я про тессены ещё не слышала раньше, и мне интересно... правда-правда... Мотидзуки-сан, - кажется, в Японии так обращаются к учителю, - простите мне мою назойливость, но не могли бы Вы... ммм... ещё рассказать что-нибудь... - она почувствовала, как от волнения заколотилось сердце где-то в горле, и сглотнула.

Тору Мотидзуки

Желание девушки продолжать слушать его истории вызвало у Тору легкое удивление, поскольку байки про самураев и их традиционное оружие он считал чем-то специфичным и подходящим для узкого круга слушателей. Но, поскольку, наличие искреннего интереса у человека к какому-либо предмету он всегда приветствовал, отказывать юной ученице в нее нехитрой просьбе, японец ни за что не стал.

- Если вам будет угодно... - Мотидзуки сделал небольшую паузу, выбирая, о чем стоит сказать в первую очередь, а затем продолжил. — Японская традиция работы с веером сильно отличается от китайской. Там все грубее и проще. Тессен чаще всего используется примерно в том же ключе, что и короткая палка. И все тактики строятся, в основном, вокруг блоков — укэ, парирования — нагаси, удержаний — осаэ и нанесения различных ударов.

Придя к выводу, что он может запутать девушку таким количеством терминов, Тору решил продемонстрировать часть приемов на практике, нанося удары сложенным веером в область головы и шеи воображаемого противника, а затем выверенным движением кисти, раскрывая тессен так, словно стараясь отвлечь внимание вероятного врага.

- Вообще я не слишком хорошо разбираюсь в практической части работы с этим

оружием, - японец остановился и перевел взгляд на Яреци. – Думаю, чтобы понять, о чем я говорю, вам стоит попробовать работу с тессеном в личной практике. – Обычно Мотидзуки никому не разрешал трогать свое оружие, но то, с каким вниманием его слушали, впечатлило мужчину и заставило его отойти от обычных принципов.

- Позволите? – Не ожидая ответа, Тору взял девушку за руку и вложил в нее веер, обходя юную ученицу с боку и, размещая свою собственную руку на тонком девичьем запястье и кисти, чтобы уберечь Яреци от возможности случайно уронить непривычно тяжелый тессен.

- Попробуйте сделать несколько движений, а я подстрахую. – На тренировках японец часто направлял руку ученика, чтобы скорректировать удар, так что в подобном легком контакте не видел ничего зазорного.

Яреци Фернандез

К ее удивлению, он продолжил рассказывать про это оружие. Бабочки порхали все сильнее, появилась легкость в теле, ей показалось, что она может прыгать по облакам и летать. Слова мужчины доходили до нее с трудом, его голос обволакивал ее сознание и уносил в мир девичьих грёз.

Но вот он замолчал, и девушка мотнула головой и снова густо покраснела, поняв, что ее унесло куда-то не туда. Мужчина стал демонстрировать несколько приемов, и она сосредоточилась, глядя на то, с какой легкостью он их выполняет. И попыталась выудить из своего сознания какие-то слова, чтобы не оказаться какой-нибудь влюблённой дурочкой, которая всего лишь хочет выпендриться перед предметом своего воздыхания.

Японские названия приемов она, конечно, не смогла бы воспроизвести правильно, но общий смысл был понятен, по крайней мере, она так думала. На всякий случай она положила на землю книгу с тетрадкой и карандашом, и оказалось, что вовсе не зря это сделала, так как он предложил ей попробовать отработать несколько приемов. Даже вложил в ее руку свой тессен.

Этот веер оказался не таким легким, как ей казалось изначально, ведь мастер Мотидзуки так легко с ним обращался, что казалось, что это не оружие, а просто красивый атрибут. Кажется, она в каком-то мультике видела что-то подобное. Там было два веера, и персонаж очень лихо и красиво с ними танцевал, что она даже и не думала, что это смертоносное оружие. Хотя это был всего лишь мультик.

Он стоял совсем рядом с ней, она слышала его дыхание и растекалась теплой лужицей, но всеми силами старалась сохранить здравый смысл. Ох, как же ей сейчас не хватало тех разговоров с одноклассниками, влюбленных в учителя, чтобы понять, как и что. Может то, что у нее сейчас - это не влюбленность, а что-то другое. Ведь когда она влюбилась в одноклассника все было проще. Так, нельзя отвлекаться.

Надо сделать несколько движений, но она не знала, как. Ладно, доверимся интуиции. Она выставила вперед правую ногу, чтобы создать упор на нее, а потом

сделала резкое движение рукой вверх и сразу вниз. С непривычки чуть не уронила веер. Потом сделала пару круговых движений, будто разминала запястье. Закончив упражнение, она повернула голову, чтобы посмотреть на своего учителя. Нужно попытаться выкинуть все ненужные мысли из головы, но черт, это так тяжело..

Тору Мотидзуки

Некоторая взволнованность девушки бросилась в глаза даже такому равнодушному к проявлению чужих эмоций человеку, как Тору. Но он, списав все на неуверенность юной ученицы в собственных силах, лишь на несколько секунд плотнее сжал свою руку на девичьем запястье, демонстрируя, что полностью контролирует ситуацию и поможет справиться с любыми возникающими затруднениями.

- Да, все правильно, сначала стоит просто привыкнуть к тяжести тессена и специфике движений руки, когда тебе нужно контролировать металлический веер, - ответил Мотидзуки на невысказанный вопрос девушки. – Не стоит волноваться за техническую сторону вопроса.

Японец надеялся немного успокоить Ярецы и показать, что все происходящее представляло собой просто небольшую демонстрацию, в отличие от настоящего занятия, на котором он предъявлял к ученикам конкретные требования и ждал их неукоснительного исполнения.

- Теперь попробуйте прочувствовать процесс нанесения конкретных ударов. Для этого доверьтесь и следуйте за моими движениями.

Тору подошел к Ярецы вплотную, чтобы иметь возможность осуществлять полный контроль над рукой девушки. Плавным движением он поднял девичью руку вверх, зафиксировав на несколько секунд держащую веер кисть над головой ученицы, а затем обрушил прямой удар на воображаемого противника. После первой атаки последовал резкий выпад с шагом вперед и ударом куда-то в район шеи предполагаемого врага. На чем Мотидзуки решил на первый раз и остановиться, отстраняясь от девушки и давая ей возможность при желании все повторить заново, теперь уже без его помощи.

Ярецы Фернандез

Ах, ну почему же время неподвластно человеку? Почему нельзя просто поставить жизнь на паузу, нажав кнопку на пульте, как это можно делать с записью фильма? Ведь это импровизированное занятие рано или поздно закончится, и они разойдутся. Он уйдёт, она снова будет посещать его занятия, может и другие, но возможности побыть с ним наедине больше не будет. Ну не может ей вот так вести два раза подряд. Или может? Что делать?

Мужчина крепче сжал её запястье, и она всё-таки решила сосредоточиться на этом импровизированном занятии. Решив, что сейчас абсолютно не время и не место всяким странным мыслям вроде "какой он прекрасный", она постаралась хоть как-то настроить ментальный щит, чтобы её мысли остались при ней, а то ей стало казаться, что она как-то слишком громко думает. Заболела голова от обилия мыслей, но она не обратила на это внимания, полностью поглощённая в этом человеке. Он стоял совсем рядом, почти вплотную прижавшись к ней, и она не знала, куда себя деть, что делать, кому рассказать об этом. Наверное, об этом

рассказывать не стоит.

Когда он отошёл от неё, она поняла, что всё закончилось, мир на паузу поставить так не удалось. Это плохо и неправильно. Но, оставшись одна с тессеном в руке, девушка посмотрела на него, потом перевела взгляд на мужчину и кивнула, решив, что попробует сама всё повторить, сомневаясь при этом, что у неё что-то получится. Чёрт, а ведь она раньше никогда не витала в облаках. Что же с ней такое? Даже со своим одноклассником она более серьёзно относилась к реальности. А тут прям выпала из неё на какое-то время. Интересно, а мышечная память, про которую кто-то когда-то сказал, работает?

Вздохнув и немного прикрыв глаза, она занесла руку с веером над головой и резко опустила её вниз, движение было похоже на то, будто ножом разрезаешь бумагу, а потом, сделав выпад вперёд, она нанесла колющий удар, хотя не была уверена, что мистер Мотидзутки показывал именно этот удар. Потом выпрямилась.

- Мне кажется, я поняла, - сказала она, надеясь, что поняла она правильно.

Тору Мотидзуки

Тору с интересом наблюдал за попытками девушки повторить показанные им движения, отмечая про себя, что справляется та вполне неплохо. Правда, он и сам не слишком далеко продвинулся в искусстве тессен-дзюцу, остановившись на базовых приемах, но имеющегося опыта взаимодействия с оружием ему вполне хватало, чтобы если и не считаться экспертом, то уж точно корректно оценивать правильность работы тела в момент нанесения удара.

- Да, у вас получилось очень близко к первоначальному варианту. — Японец аккуратно вынул веер из руки девушки. — Если попрактиковать еще какое-то время с непривычки могут начать болеть запястья.

Яреци в отличие от большинства знакомых европейцев не раздражала чрезмерной активностью, плавно перетекающей в наглость, а потому была занесена Мотидзуки в «белый список», содержащий ограниченное количество имен. И раз уж он уже «включил» преподавателя, Тору напряг память, чтобы вспомнить какие именно из его занятий посещала девушка и, вызвав перед глазами мутную, но вполне считываемую картинку, решил уточнить:

- Я точно видел вас на мастер-классах по работе с бо и вакидзаси. Вы интересуетесь боевыми искусствами, предполагающими работу с разными видами оружия, или у вас были иные причины?

В первом случае Тору мог бы, вспомнив данное матери пострадавшего на его тренировке Валентина обещание, оказать девушке посильную помощь. Ну а во втором... Просто поддержать беседу.

Яреци Фернандес

Ура! У нее получилось! Он ее похвалил! Хотелось прыгать, летать, но она по понятным причинам не стала этого делать. Во-первых, это некультурно, ну а во-вторых, последнее время, почти два года, она старалась быть скупой на проявление каких-либо эмоций и чувств. Она даже плакала в одиночестве, когда ее бросил

одноклассник, не рассказывая никому о своих переживаниях. Вот и сейчас она лишь улыбнулась.

Он забрал у нее веер, и ей показалось, что он сейчас уйдет, ведь возможно у него есть другие дела в это солнечное и теплое утро, а она его отвлекает. Но с ним так интересно разговаривать. И она обязательно нарисует его портрет. И подарит ему. Интересно, когда у него день рождения? Нет, портрет она дарить ему не будет - это слишком личное, да и повторения она боится. Вдруг он тоже засмеется в ее лицо и порвет лист бумаги на мелкие кусочки?

Эйфория, захватившая девушку в первое время этой встречи, стала уходить, оставляя в душе пустоту. Она вздохнула и услышала его вопрос. За возможность еще хоть немного поговорить с предметом своего воздыхания, она зацепилась как за спасительную соломинку. Но вот что ему ответить? Что он ей понравился после первого мастер-класса? Понравился его голос, его прямая осанка?...

- Мне просто интересно что-то новое, теория же без практики невозможна. Можно в книгах прочитать про историю оружия, про философию, но приемы, чтобы раскидать всех злых там не описаны. Иногда страшно даже на улицу выйти... - Она замолчала, думая, это ли он хотел услышать, или она как всегда сморозила очередную чушь. - Мистер Мотидзуки, я как-то читала про катану. Это правда, что этот меч создан для убийства? А вам приходилось им убивать?

Поняв, что ляпнула что-то лишнее и личное, она сильно покраснела, потом побледнела и отступила от него на шаг. Сглотнула.

- Простите, мистер Мотидзуки, я не должна была это спрашивать...

Она готова была провалиться сквозь землю со стыда. А еще она была готова выслушать гневную тираду от него, что это не ее дело, и вообще... и больше он не будет с ней разговаривать...

Тору Мотидзуки

Ответ девушки показался Тору немного путанным и продемонстрировал, что та еще толком не определилась со своими интересами, предпочитая пробовать чуть ли не все, что подворачивается под руку. Но, с учетом ее возраста, который явно не дотягивал до двадцати, японец не стал мысленно обвинять Ярецы в неразборчивости, поскольку именно в этот период, по его мнению, стоило брать максимум из предлагаемого возможными наставниками, чтобы определиться, с чем ты свяжешь свою жизнь в будущем.

И все было логично, понятно и даже, по-своему, мило, пока в адрес Мотидзуки не полетело два абсолютно безумных вопроса, заставляющих его левую бровь взлететь вверх и автоматически убирающих из «белого списка» только что записанное туда имя.

- А для чего вообще создаются мечи? Не для того же, чтобы потом разные мастера красиво доставали их из ножен на показательных выступлениях? У любого оружия вполне конкретная задача – поразить врага, причем так, чтобы он не смог тебе ответить.

И если вопрос про катану еще можно было объяснить неопытностью девушки и ее непониманием, что же из себя представляет холодное оружие, то нездоровый интерес к его личному опыту, связанному со столь серьезными вещами, даже, несмотря на последовавшие извинения, показался Тору абсолютно неуместным.

- Если бы приходилось, то, полагаю, сейчас бы я находился в тюрьме и не мог отвечать на ваши вопросы. Законы, вроде как, никто не отменял.

Голос японца, призванный скрыть удивление и последовавшее за ним раздражение, отдавал ощутимым холодом и, для усиления драматического эффекта, Мотидзуки вновь сократил дистанцию до юной ученицы, немного склонил голову влево, пересекаясь с Ярецы взглядом и, не разрывая зрительного контакта, поинтересовался:

- А вы с какой целью спрашиваете?

Ярецы Фернандез

Идиотка! Боже, какая же она идиотка! Понятно же, что теперь все, этот человек больше не будет с ней разговаривать, не захочет ее ничему новому учить, да и вообще... все плохо, страшно. Она должна была следить за своим языком и думать, что говорить. А не говорить, а потом думать.

Она сглотнула, когда он подошел ближе к ней, побледнела еще сильнее, когда заглянула в его глаза. В них плескалось раздражение. Ей показалось, что она его разгневала своими вопросами, хотелось убежать, исчезнуть, но никогда больше не встречаться с этим человеком. Но как это сделать? Что делать, чтобы он не видел её? Не появляться в людных местах? Так она же вроде и так попыталась найти место, чтобы никому не помешать. Сидеть постоянно в комнате?

Сердечко юной ученицы сейчас было похоже на птицу, которую только-только выпустили на свободу, но стоило ей набрать высоту, как передумали и снова заключили в клетку. Больно, неприятно. Она не знала, что делать, голова сильно заболела. Убежать. Нужно убежать.

Но она осталась стоять на месте. Отступила на шаг и наткнулась на ствол дерева.

- Я... простите, я... я правда не хотела спрашивать об этом, - промямлила она словно провинившаяся ученица, глядя в его глаза.

В горле застрял комок слез, в носу защипало. Не хватало еще разреветься перед ним. Тогда точно все, он точно не будет с ней больше разговаривать...

Тору Мотидзуки

Глядя на расстроенную Ярецы, которая выглядела так, словно собиралась в любой момент расплакаться, Тору почувствовал угрызения совести. Видимо он слишком привык к общению с Маргаритой, которая на его попытки запугивания либо не реагировала, либо отмачивала какой-то очередной номер, сводивший на нет все его усилия. А тут перед его глазами предстала настоящая буря эмоций, демонстрирующая, что в своей попытке оказать на девушку давление он все же

немного переборщил.

Японец на несколько секунд устало прикрыл глаза, в очередной раз, констатируя факт, что он ничего не понимает в юных особах женского пола. И, не желая оставаться в роли демона-мучителя, положил руки на плечи Ярецы, легонько ее встряхнул, пытаясь вывести из состояния на грани то ли истерики, то ли нервного срыва и произнес намного мягче, чем раньше:

- Да что же ты такая пугливая. Ну не съем же я тебя, в конце концов, за необдуманные слова. Максимум, заставлю больше тренироваться и отчитываться мне о результатах.

Идея подобного наказания, если его вообще можно было считать таковым, показалась Тору вполне уместной, о чем он уже собирался сообщить девушке, как его внимание привлекла появившаяся в области носа капля крови.

- Похоже, у тебя кровь носом пошла, - поддавшись порыву, Мотидзуки оставил левое плечо юной ученицы в покое и протянул руку, чтобы стереть рубиновую каплю, но вовремя остановился, дав пальцам замереть в паре сантиметров от девичьего лица. Он и так уже основательно вторгся в личное пространство Ярецы, и дальнейшие действия в том же направлении выходили, по его мнению, за все рамки приличного поведения.

Яреци Фернандез

От перенапряжения у неё пошла кровь из носа, что заставило ещё сильнее побледнеть, когда мужчина про это сказал. Такое с ней случалось крайне редко, обычно после долгого бега, да и то очень-очень давно. Такого перенапряжения, как сейчас, она, кажется, ещё никогда не испытывала. Хотя нет, вроде два года назад, когда одноклассник порвал её рисунок у всех на глазах. Ещё и заржал. Тогда ей казалось, что мир разрушился.

Но сейчас было ещё хуже. Когда мужчина её встряхнул, ей почему-то показалось, что это было сильно и грубо. Но его голос изменился, он стал более мягче и теплее, но всё равно ей до сих пор было страшно находиться рядом с ним. Желание убежать стало намного сильнее, и она не знала, что делать. Действительно, почему она решила, что он будет с ней общаться? Она всего лишь девчонка, которая ещё ничего не понимает в жизни. Наверное, стоило сразу, как только она его увидела, уйти. Тогда бы она не задала ему эти вопросы. Идиотка.

- Я... простите... да, я поняла, - прошептала она, почувствовав, как на глаза навернулись слёзы. Прикусив нижнюю губу, она рукой стёрла кровь. Сердце колотилось в груди так, будто его чем-то накачали, что оно было готово выпрыгнуть, голова закружилась, и девушка, не желая больше испытывать терпение, резко развернулась и убежала. Как бы она ни хотела остановить слёзы, они текли по её щекам. Оставалось надеяться, что он их не увидел...

Тору Мотидзуки

Тору так до конца и не понял, что стало причиной бегства юной ученицы. *Кровь из носа? Его слова или действия?* Японец еще раз прокрутил в голове последние минуты их общения с Ярецы и, кроме своего неформального к ней обращения и,

возможно, ставшего для нее неприятным прикосновения к плечам ничего, способного вызвать столь яркую эмоциональную реакцию, не нашел. После чего признал свое полное поражение в попытке разобраться в творящемся в голове у девушек бардаке.

Взгляд Тору упал на оставленные Ярецы вещи, которые, благодаря злой шутке судьбы, попали под его ответственность. Он не знал, где живет девушка, но выяснить это и вернуть забытое не составляло труда. Благо он соизволил запомнить имя ученицы, что делал не так уж и часто за ненадобностью.

Подобрав тетрадь, книгу и карандаш, Тору без особого энтузиазма направился в сторону жилых корпусов. Продолжать прогулку совсем расхотелось. Он чувствовал себя настоящим дураком, но так и не мог до конца понять, где же именно умудрился сглупить. А подобное состояние ему не нравилось столь сильно, что заставляло пальцы левой руки непроизвольно сжиматься в кулак, а затем снова разжиматься, так и не давая вырваться негативным эмоциям наружу.
